

РЭНДИ СИНГЕР

**ИГРЫ
ПРАВОСУДИЯ**

Санкт-Петербург, 2013

ББК 86.37
С38

Перевод с английского

Originally published in English under the title:

THE JUSTICE GAME

by Randy Singer.

Printed in Russian by Visson Publishing
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.

All rights reserved.

Сингер, Рэнди

С38 Игры правосудия / Пер. с англ. — СПб.: ЛКС, 2013. — 448 с.
ISBN 978-5-94861-174-7 (ЛКС)
ISBN 978-5-904737-78-8 (Виссон)

Перед вами очередная роман популярного автора в жанре судебной драмы. На этот раз Р. Сингер поднимает вопросы, касающиеся права граждан на владение огнестрельным оружием и оружейного законодательства в целом. Адвокаты противоборствующих сторон на судебном процессе молоды, харизматичны и чрезвычайно успешны. А еще их легко шантажировать: у обоих есть столь ужасные секреты, что их раскрытие может стоить карьеры...

ББК 86.37

ISBN 978-1-4143-1634-5 (Tyndale House Publishers)
ISBN 978-5-94861-173-0 (ЛКС)
ISBN 978-5-904737-77-1 (Виссон)

© Randy D. Singer, 2009
© Издательство «Виссон», 2013

Эта книга посвящается памяти Карен Фарли

Предисловие автора

Эта книга — о личном.

16 декабря 1988 года шестнадцатилетний ученик по имени Николас Эллиот принес в христианскую школу «Атлантик шорз» полуавтоматический пистолет и открыл стрельбу. Он застрелил учительницу по имени Карен Фарли и ранил завуча, после чего ворвался в трейлер, где в тот момент проводилось библейское занятие. Когда он попытался открыть огонь по ученикам, сгрудившимся в дальнем углу трейлера, его оружие заклинило. Учитель по имени Хатч Мэттисон схватил Эллиота и предотвратил трагедию — подобную той, которая разыгралась несколько лет спустя в средней школе «Колумбайн» в Колорадо.

В школе «Атлантик шорз» преподавала моя жена. В этой же школе учились мои дети (к счастью, в тот день их в школе не было).

И когда я узнал, что Эллиот незаконно — через подставное лицо — приобрел оружие в магазине округа «Остров Уайт», я решил представлять семью Карен Фарли в беспрецедентном иске против оружейного магазина.

Вынесенный тогда вердикт шокировал всех.

Судебный процесс состоялся семнадцать лет назад. Для меня это разбирательство стало своеобразным испытанием огнем в спорах об оружии.

При написании этой книги сейчас, семнадцать лет спустя, я изо всех сил старался быть... мудрее (надеюсь), осторожнее, старался лучше понять обе стороны конфликта. Я поставил перед собой задачу не обратить кого-нибудь в свою веру (по крайней мере,

не в том, что касается Второй поправки*), но как можно честнее представить обе стороны и дать читателю возможность решать самому.

Я постарался создать ярких персонажей по обе стороны баррикад. На самом деле я настолько увлекся балансом в повествовании, что поступил так, как не поступал никогда раньше. Да и вообще на моей памяти такого не делал ни один романист.

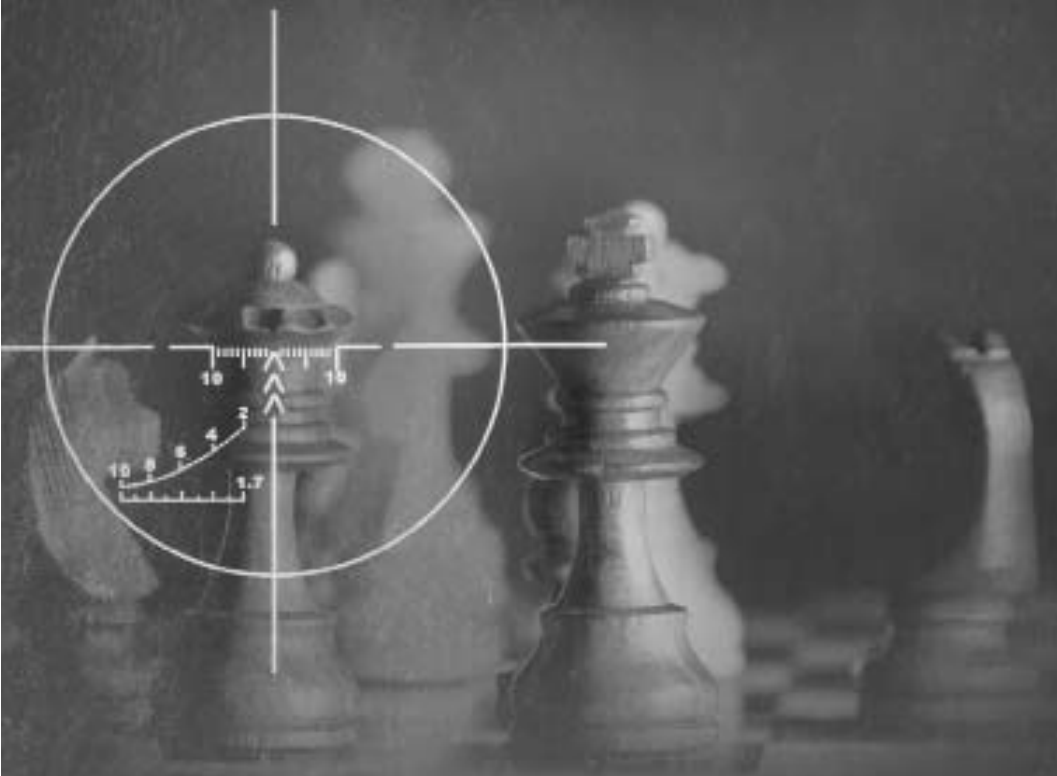
Я попросил моих читателей вынести вердикт для книги.

Мы подготовили и выложили в Интернет фрагмент вымышленного выпуска новостей, который был посвящен делу, положенному в основу книги, а также отрывки заключительных речей обоих адвокатов. Затем мы попросили читателей просмотреть видео и вынести вердикт. Финал, представленный в книге, отражает выбор большинства моих читателей.

Спасибо, что вы прошли со мной по этому пути. На самом деле вы всегда будете моими присяжными. И, как и в настоящем суде, когда я представляю свое дело перед публикой, у меня по коже бегут мурашки.

Присяжные в «Играх правосудия» уже вынесли свой вердикт...

* Вторая поправка — здесь и далее имеется в виду Вторая поправка к Конституции США, которая гласит: «Так как для безопасности свободного государства необходимо хорошо устроенное ополчение, то право народа хранить и носить оружие не будет ограничиваться». — *Примеч. пер.*

Часть I
**ТРАГИЧЕСКАЯ
ГИБЕЛЬ**

1

Рэйчел Кроуфорд прикрыла глаза, пока визажистка студии, симпатичная девушка по имени Кармен, поправляла ей макияж.

— Тебе идет загар, — проговорила Кармен. — А вот наша дива после своих соляриев ходит вся оранжевая.

Под «дивой» она имела в виду Лизу Робертс, ведущую вечернего выпуска новостей на Дабл-ю-ди-экс-ар. Лиза не считала персонал за людей, поэтому возненавидеть ее было проще простого. При росте в пять футов десять дюймов и длинных стройных ногах она всегда жаловалась, что выглядит в кадре слишком полной. Ее кресло всегда должно было стоять выше, чем у остальных, камере следовало показывать лишь левую сторону ее лица (с родинкой на щеке, которую ведущая считала очень сексуальной), ее вода обязательно должна была быть холодной, а льда в ней — строго определенное количество.

— Наверное, свой следующий репортаж я и посвящу соляриям, — отозвалась Рэйчел. Кармен сняла с нее накидку, и журналистка смогла рассмотреть себя в зеркале.

Она была совсем не похожа на Лизу. Пониже, поплотнее. С внешностью совсем обычной девушки. Но у Рэйчел было то, что напрочь отсутствовало у Лизы, и оттого она буквально сияла.

— Говорят, солярии могут стать причиной рака, — зажглась идеей Кармен. — Причем не только рака кожи, но и печени, щитовидной железы и прочего.

Рэйчел повернулась немного боком. Это движение было столь естественным, что Кармен даже не заметила. Блузка на журналистке была достаточно свободной: не настолько широкой, чтобы это

бросалось в глаза, но далеко не обтягивающей. Ей нужно было подождать еще пару недель, прежде чем раскрывать свой секрет.

Рэйчел проводила для Дабл-ю-ди-экс-ар журналистские расследования и сейчас работала над материалом о том, как действуют на беременных мобильные телефоны. Через две недели в рамках этого сюжета она поделится своей новостью в прямом эфире. Хотя бы на один вечер в центре внимания окажется не Лиза. Сегодня, однако, ей предстояло рассказывать совершенно другую историю.

— Спасибо, Кармен, — поблагодарила Рэйчел. Она схватила блокнот и бутылку воды и направилась к двери. — Вода слишком теплая, — передразнила она Лизу с ее идеальным произношением. Кармен захихикала.

— Да еще и откладывается на бедрах, — поддержала игру Кармен, прощаясь с Рэйчел взмахом подбородка.

Рэйчел вышла из гримерной, тут же нацепив на лицо маску журналиста-расследователя. Большая часть сегодняшнего репортажа уже была готова. В пятичасовом выпуске все прошло просто отлично. Разве могло что-то случиться в шесть?

Девушке нравилась ее работа. Но мысль о том, что ей предстоит стать матерью, грела ее еще больше. Она хотела играть обе роли: быть полноценной матерью и время от времени проводить журналистские расследования. Но обо всем этом стоило подумать позже.

Рэйчел теребила наушник, слушая, как продюсер дает Лизе Робертс и ее соведущему Мануэлю Санчесу инструкции по поводу следующих сюжетов. Рэйчел улыбнулась в объектив и постаралась сесть как можно ровнее, но все равно было видно, что она на пару дюймов ниже Лизы. Продюсер начал обратный отсчет. Лиза не переставала хмуриться, пока не прозвучало «ноль», что привело к волшебной перемене в ее облике: избалованная дива вдруг стала преданной своему делу и внимательной телеведущей.

— Каждое лето в Вирджинию-Бич приезжает более трех тысяч студентов со всех концов света, чтобы поработать в этом курортном городке, — читала Лиза с экрана телесуфлера. — Не всем из них везет: некоторые становятся жертвами торговли людьми, вы-

росшей до масштабов целой индустрии. Подробности вам сообщит наш репортер Рэйчел Кроуфорд.

Лиза сохраняла нужное выражение лица, пока не запустили пленку. Ее было тяжело выносить, но она была профессионалом. Ее внешность девушки с обложки и уверенное поведение скоро позволят ей подняться выше уровня Норфолка, который Лиза презрительно называла «дырой с базой флота», а Рэйчел любила и считала своим домом.

Рэйчел пересматривала репортаж уже раз сорок и сейчас позволила себе проявить немного гордости. Репортаж начинался с вида на «Серф», популярное в Вирджинии-Бич место отдыха. Голос Рэйчел за кадром рассказывал, как иностранные студенты помогают поддерживать это место в порядке. На видео две женщины из Восточной Европы стояли за барной стойкой, обслуживали столики и даже выносили мусор. Камера выбирала такие ракурсы, что зрителям никак не удавалось рассмотреть лица девушек. Затем на экране появилась сама Рэйчел, стоявшая у стойки чуть наклонив голову.

«Но некоторые из этих девушек, которые согласились побеседовать с Дабл-ю-ди-экс-ар на условиях анонимности, говорят, что у солнечного лета в Вирджинии-Бич есть и темная сторона».

Далее в репортаже показали, как Рэйчел берет интервью у одной из рабочих. Редактор закрыл ее лицо и изменил голос. Девушка рассказывала о Ларри Джеймисоне, владельце «Серф», который обещал устроить девушек на работу и даже оплатил им билеты до Америки: «Чтобы вернуть долг, нужно было стать одной из “девушек Ларри”, иначе это было невозможно, как бы усердно ты ни работала. А еще он угрожал нам».

Пока Рэйчел рассказывала о совершаемой афере, на экране появилось изображение интернет-сайта. Хотя фотографии девушек были искажены, сразу было понятно, что этот сайт (как удалось доказать Рэйчел, он принадлежал Ларри Джеймисону) содержал порнографию.

«Мы попытались узнать мнение мистера Джеймисона по поводу обвинений, — проговорила Рэйчел в объектив, — но он отказался давать комментарии».

Через пару секунд они снова будут в прямом эфире. Рэйчел еще раз тронула наушник и посмотрела на Лизу. Затем она услышала

хлопок (а может, даже несколько), который испугал ее. Это было похоже на фейерверк, доносившийся из-за звуконепроницаемой двери студии. Она глянула на дверь, но, похоже, звук больше никого не беспокоил.

— Пять секунд, — прозвучало в наушнике, — четыре, три, два, один...

Оператор указал на Лизу, и та повернулась к Рэйчел.

— Девушки, у которых вы брали интервью, выглядели такими беззащитными, — проговорила Лиза. — Они хоть понимали, что могут выдвинуть обвинения против этого человека?

Краем глаза Рэйчел заметила какое-то мельтешение в дальней части студии. Как и подобает профессионалу, она не отводила взгляд от Лизы, объясняя ей, почему жертвы не хотели огласки.

— Эй! — закричал кто-то. — Он вооружен!

Рэйчел повернулась на голос и услышала уже отчетливые выстрелы. Девушку ослепил яркий свет прожекторов, которые освещали ее. Вновь раздались выстрелы, крики ужаса и боли: в студии творился настоящий хаос.

— Ложитесь! — прокричал кто-то.

Послышались крики и третья серия выстрелов. Рэйчел рухнула на пол и юркнула под цветной акриловый стол ведущего, который наверняка не остановит пулю. На висящем над ней мониторе погасла надпись «Прямой эфир». В царящем вокруг хаосе Рэйчел посмотрела на Лизу, глаза которой были широко открыты. Закрыв рот рукой, ведущая тихо рыдала.

На мгновение наступила тишина.

2

Рэйчел скорчилась под столом. От страха она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Дыхание было прерывистым и очень резким, этакie маленькие взрывы в воцарившейся тишине. Журналистка прижимала обе ладони к лицу и, дрожа от страха, одновременно молилась и слушала.

Послышались шаги и тяжелое дыхание.

Она всхлипнула, увидев краем глаза, как над ней навис стрелявший: Ларри Джеймисон, которому было посвящено ее журналистское расследование. Глаза у него были широко открыты, седые волосы растрепаны, а щетинистое лицо покраснело. Он навел на девушку черный полуавтомат, похожий на уменьшенную копию оружия из фильмов про Рэмбо. Мужчина нажал на кнопку извлечения магазина и вставил новый после того, как первый стукнулся об пол.

— А вот и ты, — прошипел Джеймисон, схватив ее за волосы и рывком подняв на ноги. Оружие он уткнул девушке в поясницу. Он обхватил Рэйчел левой рукой за шею сзади и привлек к себе. Она чувствовала запах пота и алкоголя, его влажное и несвежее дыхание.

— Все по местам! — приказал он. — Я хочу, чтобы через две минуты мы вышли в эфир, иначе эта красотка умрет.

Дрожащая Рэйчел окинула взглядом студию. Один из операторов, добродушный верзила, с которым они частенько болтали, лежал рядом со своей камерой. Из его груди струилась кровь. Еще одна девушка-оператор забилась в угол. В будке управления никого не было. Также не видно было Лизы с Мануэлем. Они, наверное, спрятались с другой стороны стола.

— А ну вернись к камере! — прокричал Джеймисон девушке в углу. Он выпустил пару пуль в стену над ее головой. Брызнули искры, и девушка бросилась к своей аппаратуре. — Две минуты, — повторил Джеймисон. — Я сейчас разговариваю с напарником по беспроводной связи. Он ждет телесигнала.

Рэйчел стало трудно дышать, когда Джеймисон сильнее сжал ее за шею и поволок к другому концу стола, где на полу спрятались Лиза и Мануэль. Джеймисон навел ствол на Лизу:

— Смотрите-ка, кто у нас здесь! — Он рассмеялся, а Лиза с ужасом уставилась на него. — Давай за свой стол, нашему шоу нужен ведущий. — Дрожа и всхлипывая, Лиза поднялась на ноги. Она медленно отошла от Джеймисона и устроилась в своем кресле. — Хорошая девочка, — улыбнулся налетчик. Затем он перевел ствол на Мануэля и еще сильнее сдавил шею Рэйчел. У девушки начала кружиться голова. — Мы еще не в эфире, — раздражение в голосе Джеймисона стало более явным. — Кто-нибудь, давайте за пульт.

Мануэль быстро окинул кабинку взглядом:

— Они все разбежались.

— Я и сам вижу! — закричал Джеймисон, развернулся и выпустил еще одну очередь в сторону кабинки управления. Выстрелы эхом отзывались в ушах Рэйчел. Осколки стекла кабинки посыпались на стол редакторов и звукорежиссеров. Джеймисон вновь направил ствол на Мануэля:

— Мы должны быть в эфире.

Мануэль замотал головой; несмотря на то, что в студии было влажно и прохладно, по его лбу тек пот.

— Я не могу... не умею.

— Тогда от тебя нет толку.

Мануэль открыл рот в молчаливой просьбе о пощаде: он был слишком напуган, чтобы говорить.

Рэйчел начала терять сознание, в глазах темнело. «*Сколько пуль выпустил Джеймисон? Сколько еще у него осталось?*» Девушка прочитала краткую молитву, затем изо всей силы ударила мужчину локтем в живот — он захрипел от удара — и попробовала вырваться. Она почти выскользнула из рук преступника, но тот врезал острым краем магазина ей по голове. Удар свалил девушку с ног. Сквозь шум в голове она почувствовала, как кровь течет у нее по лбу.

Она видела Джеймисона, как в тумане. Рэйчел моргнула и отползла на пару футов.

— Думаешь, я в игры играю? — спросил Джеймисон.

Напуганная девушка замотала головой. Мужчина улыбнулся и выбросил второй магазин, быстро вставив на его место третий.

Джеймисон откинул голову и закричал:

— Мы не в эфире! Каждую минуту, что мы медлим с выходом в эфир, кто-нибудь будет умирать! — Он сделал шаг вперед и устоялся на Рэйчел. — Быть может, начну я с тебя. — Его глаза горели от возбуждения. — Руки за голову, лицом в пол.

В панике Рэйчел исполнила приказание. Слева она заметила какое-то шевеление, как будто крадущуюся фигуру. Девушка заставила себя не смотреть в ту сторону. Она надеялась, что это был их режиссер Боб Томас, долговязый мужчина, который пропал, как только раздалась выстрелы. Боб не даст ей умереть.

Джеймисон подошел к Рэйчел и навис над ней. Его дыхание было прерывистым и тяжелым.

— Моли о пощаде.

Какое-то мгновение в девушке боролись страх и презрение к этому человеку. Она не будет у него ничего просить, он же все равно выстрелит. Но она понимала: нужно выиграть еще немного времени. Девушка закрыла глаза.

— Пожалуйста, не трогайте меня, — попросила она. — Я могу помочь вам решить все проблемы.

Джеймисон засмеялся, наигранно-презрительно.

— Посмотри на меня, — тихо приказал он. Журналистка открыла глаза и обернулась через плечо. Он наклонился поближе, лицо его исказила гримаса удовлетворенности возмездием. Черный ствол полуавтомата приковывал взгляд, за ним маячила злобная ухмылка маньяка. — Нужно научить тебя покорности, — проговорил Джеймисон. — Ты ведь даже не знаешь, каково это — просить о чем-то, да? — Преступник схватил девушку за волосы и резко дернул назад.

— *Пожалуйста!* — Слезы хлынули из ее глаз. Боль пронзила затылок и отозвалась в шее. Девушка закрыла глаза, но черный ствол и глаза Джеймисона все равно остались перед ней. — *Пожалуйста*, не стреляйте.

— Так не умоляют, — разозлился Джеймисон. Он разжал кулак, и девушка ударила лицом об пол. Она сжалась, чувствуя себя

совершенно беспомощной в ожидании пули, которая прошьет ее тело. Она вспомнила о своем муже. О жизни, которая зародилась у нее в утробе. А ведь она должна была быть безопасным местом.

— Открой глаза!

Она повиновалась. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джеймисон переводит ствол на Мануэля Санчеса.

— Попрощайся со своим приятелем.

— Нет! — закричала она.

Мануэль даже не успел ничего сделать, как Джеймисон выстрелил. Рэйчел всхлипнула, когда увидела, как у того во лбу появилась маленькая дырочка. Мануэль захрипел — это воздух выходил из легких — и осел на пол.

Рэйчел наблюдала, как стекленели глаза Мануэля, когда из дыры в голове потекла кровь. Девушка отвернулась, ее вдруг начало сильно тошнить.

— Тебе нужно научиться умолять, — спокойно произнес Джеймисон. — А теперь давай на свое место.

Рэйчел встала на колено, и мир вокруг нее заходил ходуном. Она на мгновение задержалась, вытирая кровь с разбитого лица. Девушка увидела, как Джеймисон пнул безжизненное тело Мануэля.

— Пошевеливайся! — приказал он.

Девушка медленно встала, думая о Мануэле. Его смерть многое изменила. Вместо того чтобы еще больше испугаться, Рэйчел неожиданно обрела мужество. Она чувствовала себя ответственной за смерть Мануэля: все происходившее было *ее* виной. Джеймисон пришел сюда из-за Рэйчел.

Теперь ей нужно было мыслить ясно. Нужно было сделать так, чтобы до прибытия помощи больше никто не пострадал. Девушка устроилась в кресле, настороженно глядя на Джеймисона. Он встал у Лизы за спиной.

— Выводи нас в эфир, — приказал он Лизе.

— Я пытаюсь, — дрожащим голосом проговорила Лиза. — *Только пожалуйста...* — выдохнула она, — хватит тыкать в меня пистолетом.

— У тебя тридцать секунд, — подытожил Джеймисон.

Лиза перевела дыхание. Она махнула рукой куда-то в правую часть студии.

— Вон там, — призналась она, — прячется наш режиссер. Он умеет работать за пультом.

— Прекрасно, — ухмыльнулся Джеймисон.

Мужчина прошел мимо камеры, вытащил Боба Томаса из укрытия и приказал ему занять место за пультом. Минуту или две спустя изображение на огромном телевизоре перед столом ведущих и еще на одном, свисающем с потолка, сменилось с заставки с сообщением о технических неполадках на картинку прямого эфира из студии. Собственный вид ужаснул Рэйчел: по ее лицу текла кровь, оставляя пятна на блузке. Она откинулась в кресле и ждала.

«Где же полиция?»

Джеймисон был один. Конечно, действуя они вчетвером...

Преступник устроился рядом с женщиной-оператором, управлявшей камерой на кране. Широкий объектив захватывал одновременно Лизу и Рэйчел. Джеймисон держал последнюю на мушке, периодически оглядываясь через плечо на дверь студии.

— Это Ларри Джеймисон! — прокричал он достаточно громко, чтобы звуки его голоса уловили беспроводные микрофоны, надетые на Лизу и Рэйчел. — Только что вы слышали в эфире ужасную ложь. Сейчас вы узнаете правду. Представьте! — рявкнул он, переводя ствол на Лизу.

— Я Лиза Робертс, — отозвалась девушка. Голос у нее дрожал и был на октаву выше обычного. По привычке она смотрела прямо в объектив камеры.

Джеймисон махнул стволом в сторону Рэйчел. Пару мгновений, ровно столько, чтобы показать, что она готова сопротивляться, Рэйчел молчала.

— А я Рэйчел Кроуфорд, — наконец заговорила она, — член команды журналистских расследований канала Дабл-ю-ди-экс-ар.

— Десять минут назад эта женщина вам наглым образом соврала! — сообщил Джеймисон. — И сейчас она за это ответит.

Он еще раз глянул через плечо, а затем обошел стол ведущих и встал между Лизой и Рэйчел. Журналистка внимательно следила за Джеймисоном, пока тот проверял, видно ли его на мониторе. Затем он приставил оружие к ее голове.

«Господи, помоги мне!»

3

Джеймисон не убирал ствол от головы Рэйчел, глядя то на нее, то на Лизу, то на камеру, которая снимала происходящее.

— Я Ларри Джеймисон, — перевел он глаза на камеру. — Этот репортаж обо мне, который вы только что видели, — чушь собачья. А все потому, что Дабл-ю-ди-экс-ар заботится о рейтингах, а не о правде. — Он сделал полшага к Рэйчел. Не настолько близко, чтобы она могла дотянуться до него, но вполне достаточно, чтобы почувствовать запах пота от его прилипшей к мокрому телу рубашки. — Кто твои анонимные источники? — спросил он Рэйчел. Девушка не ответила, журналистские инстинкты запрещали ей называть осведомителя. — Говори! — закричал Джеймисон, подняв полуавтомат над головой, словно он собирался сделать шаг вперед и ударить ее.

— Ниса Полидес и Тереза Янкова.

— Ниса... Тереза... — Джеймисон словно выплевывал слова в направлении Рэйчел. — А знаешь ли ты, что это *они* попросили *меня* разместить их фотографии на сайте? Знаешь ли ты, что они шантажировали меня?

Рэйчел быстро оценила, насколько правдивы эти обвинения. Девушки казались заслуживающими доверия. Невинными. Наивными.

Лицо Джеймисона потемнело, вены на шее вздулись.

— Они хотели, чтобы я платил им по тысяче долларов в неделю, иначе они бы обратились в прессу со своей ложью. Тысячу в неделю! Где мне взять столько? — Он обернулся к Лизе. — Ваш канал позволил им оставаться анонимными? Вы тоже в ответе за это! Их никто не проверял!

Лиза быстро замотала головой, ее глаза были широко открыты от страха. Джеймисон сделал пару шагов в ее направлении, пока не оказался настолько близко, чтобы коснуться ее. Он тяжело дышал, почти задыхался, глаза его были бешеными от ненависти. Дрожа, Лиза посмотрела на него, на дверь студии, а затем снова на него.

Рэйчел тоже глянула на дверь. *«Где же полиция? Сколько еще времени им нужно?»*

Джеймисон прижал ствол к виску Лизы. Девушка вскрикнула и закрыла глаза. Мужчина глянул через плечо на Рэйчел:

— Лучше извинись перед зрителями. Только на этот раз как следует.

«Господи, не дай ему выстрелить».

— Извините, — быстро проговорила Рэйчел. — Не убивайте ее, пожалуйста. Это был мой репортаж, а не ее. Она здесь ни при чем.

Тонкая ухмылка отразилась на лице Джеймисона. Он наклонился и заглянул в глаза Лизе.

— А она виновата? — спросил мужчина, указывая на Рэйчел. — Ты согласна, что это *ее* вина?

Лиза дрожала. Ее слова было трудно различать, они перемежались всхлипываниями:

— Она... совершила... ошибку.

— Я считаю ее виновной, — заявил Джеймисон, встав в полный рост и не убирая ствол от виска Лизы. — А ты?

— Спросите ее... Не меня...

Как только он повернулся, дверь студии слетела с петель, и все дальнейшее произошло как будто в одно мгновение. Разорвались дымовые гранаты, Джеймисон попытался выпустить как можно больше пуль в направлении Рэйчел, его тело задергалось от очереди спецназовцев, сама Рэйчел повалилась на пол, стараясь свернуться клубком и упасть на спину, чтобы защитить невинную жизнь в ее утробе.

Девушка почувствовала удар в плечо, в спину и еще один удар в основание черепа.

За мгновение в ее сознании пронеслось все самое дорогое: лицо мужа, новая жизнь внутри нее. Долю секунды образы близких были перед ее глазами, но затем они взорвались, превратившись в одну яркую вспышку.

Она погибла до того, как успела с ними попрощаться.

Часть II

КОРПОРАЦИЯ

4

На другом краю континента, вдалеке от хаоса, царившего в студии Дабл-ю-ди-экс-ар, Джейсон Ноубл собирался выступить перед присяжными с самой важной в его начинающейся карьере заключительной речью.

— Давайте поговорим о волосах, — предложил он, рассматривая лица присяжных. Некоторые из них буквально зевали, другие пытались подавить ухмылку. Джейсон сделал вид, что не заметил этого. — Мистер Локхарт заявляет, что связанное с волосами доказательство может привести к обоснованному сомнению. «Забудьте о том, в какую ярость впала обвиняемая, когда узнала, что муж изменял ей с лучшей подругой, — говорит он. — Забудьте о том, что лучшая подруга очень хорошо пела на бэк-вокале, и муж обвиняемой мог сделать ее звездой, как и саму обвиняемую. Забудьте обо всем этом. Если анализы покажут, что Карисса Лоусон несколько месяцев принимала наркотики, тогда будем считать, что причиной ее смерти стала передозировка, а не отравление».

Присяжные слушали вполуха, но Джейсону этого было достаточно. Они и так уже слишком устали.

Прошлой ночью Джейсон перекрасился в блондина и уложил волосы торчком: такая же прическа была у жертвы. И перемена эта была не просто символичной.

Вскрытие Кариссы Лоусон несколько месяцев назад показало наличие в ее крови смертельного количества оксикодона* и кокаина.

* Оксикодон — обезболивающий препарат, полусинтетический опиоид. — *Примеч. ред.*

Судмедэксперт постановил, что смерть наступила в результате случайной передозировки. Но затем вдруг поползли слухи. У бэк-вокалистки был роман с мужем рок-звезды Кендры Ван Вик. Когда Ван Вик узнала о романе, ее начала мучить ревность, и она впала в ярость. Своей славой она была обязана мужу, богатому владельцу звукозаписывающей компании, который «раскрыл» ее талант. Его любовь к кому-то еще, особенно к столь талантливой девушке, как Карисса Лоусон, снедала звезду, словно рак.

В конце концов Ван Вик предъявили обвинение в убийстве. Но позиция обвинения строилась в основном на косвенных доказательствах, а у Ван Вик была лучшая защита, которую только можно было купить за деньги. Против Джейсона выступал Остин Локхарт, настоящий бойцовский пес юриспруденции, который выстроил свою позицию на популярности Кендры Ван Вик и лабораторных анализах волос Кариссы Лоусон.

Ван Вик не выступала в свою защиту. Вместо этого ее адвокат опирался на показания известного токсиколога, доктора Ричарда Крамера, который прочитал присяжным лекцию о чудесах анализов волос на наркотики. Если верить Крамеру, в крови, а значит и в волосах хронического наркомана можно найти следы принимаемых наркотиков, поскольку корни волос питаются кровью. Волосы растут примерно по полдюйма в месяц, поэтому можно было исследовать разные фрагменты волос и определить, как давно человек принимал наркотики.

Крамер показал, что в волосах Кариссы Лоусон, по всей их трехдюймовой длине, содержится большое количество оксикодона и кокаина. И какое же очевидное заключение можно было сделать? Карисса Лоусон уже несколько месяцев принимала кокаин и какой-то болеутоляющий препарат вроде «Оксиконтин» и умерла от передозировки.

Накануне заключительной речи Джейсон понимал, что присяжные будут искать повод оправдать популярную обвиняемую, одну из самых сексуальных исполнительниц по версии журнала «Пипл». Заявление ее мужа о разводе и суд по делу об убийстве лишь привлекли к ней еще больше внимания, так что продажи альбомов взлетели вверх. Кроме того, во время суда она пару раз даже пустила слезу.

— Отравление? Или случайная передозировка? — спрашивал Джейсон. Он разгуливал туда-сюда перед присяжными. Никаких

записей, просто разговор по душам. Он выучил свою речь наизусть. — Карисса Лоусон перестала встречаться с мужем обвиняемой. Но это не значит, что он стал меньше любить Кариссу. И это не значит, что он не собирался однажды отвергнуть обвиняемую и сделать Кариссу новой звездой. Был ли у Кендры Ван Вик мотив? Как говорится, фурия в аду — ничто в сравнении с брошенной женщиной. Убив Кариссу Лоусон, обманутая жена могла наказать одновременно и Кариссу, и своего мужа. Без сомнений, мотив у обвиняемой был, и серьезный. Вечером накануне смерти Кариссы Лоусон обвиняемую и потерпевшую видели вместе. Когда Ван Вик узнала о романе своего мужа, она не стала устраивать ему скандалов. Она также не стала выяснять отношения с Кариссой, предпочтя остаться ее подругой, чтобы их совместное времяпрепровождение не казалось подозрительным. У обвиняемой был доступ к «Окси-контину», принимаемому ею в качестве болеутоляющего, и к кокаину, который она могла приобрести у близких знакомых, — двое из них признали свою вину в хранении наркотического вещества с целью сбыта. Иными словами, у обвиняемой была возможность. Но мистер Локхарт заявляет, что интимная связь между Калемом Ван Виком и Кариссой Лоусон возникла за два месяца до смерти девушки. Зачем обвиняемой начинать травить Кариссу Лоусон за полгода? По словам мистера Локхарта, анализ волос доказывает, что Карисса Лоусон была наркоманкой, умершей от передозировки, а не стала жертвой отравления.

Джейсон сделал паузу. Теперь он завладел вниманием присяжных.

— Итак... все упирается в волосы. Никто, кроме токсикологов, не смог обвинить Кариссу Лоусон в употреблении наркотиков. Действительно ли волосы говорят о шести месяцах наркомании, или стоит счесть это доказательство ненадежным? Вспомните перекрестный допрос доктора Крамера. Он согласился, что волосы могут впитать наркотическое вещество из внешнего источника, например через пот или если провести руками по голове. Это может повлиять на результаты. — Джейсон сделал эффектную паузу. Изучая правила поведения в суде, он твердо запомнил, какую роль может сыграть тишина. Адвокат, который не боится тишины, смотрится увереннее. Тишина позволяет переключить внимание присяжных.

А еще она помогла Джейсону вспомнить продолжение речи.

— Вы слышали, сколь медленной и мучительной, по словам судмедэксперта, была смерть Кариссы Лоусон. Кокаин и оксикодон в больших дозах останавливают работу легких, в них скапливается жидкость, дышать становится невозможно, и жертва задыхается. В конце концов Карисса умерла от отека легких, вполне возможно, пока лучшая подруга наблюдала за тем, как Карисса пытается вдохнуть, и делала вид, что набирает 911. — Джейсон помотал головой и запустил руки в волосы: — Потела ли Карисса Лоусон, умирая медленной и мучительной смертью, тщетно пытаясь сделать еще хоть глоток воздуха? — Он вновь сделал паузу, переводя взгляд с присяжного на присяжного. — Вам решать. Одно бесспорно: если ее отравили, ее пот содержал большое количество опасных веществ, которые могли попасть на волосы девушки. Но доктор Крамер предлагает нам не обращать на это внимания. Прежде чем провести анализ, он дважды вымыл образцы с помощью метиленхлорида, растворителя, который гарантированно удаляет все примеси. Но вы также слышали показания нашего токсиколога, доктора Чоу, который утверждает, что содержащиеся в поте наркотические вещества не могут быть удалены при помощи простого смывания, так как они формируют ионные связи с волосяным фолликулом. В связи с этим анализ волос не может показать нам, попали ли в них наркотические вещества с потом после однократного отравления или после длительного применения. Итак, вчера вечером мне в голову пришла безрассудная идея, уж простите меня за нее. Я перекрасился в блондина при помощи краски, которая представляет собой внесенное извне и связанное с волосами вещество. — Он направился к своему столу, продолжая на ходу говорить через плечо. — Насколько вы помните, доктор Чоу утверждал, что та же химическая реакция, в результате которой краска проникает в наши волосы, происходит и с такими наркотическими веществами, как кокаин и оксикодон.

Джейсон вытащил из портфеля полотенце и поднял с пола две пластиковые бутылки. Он вновь вернулся к присяжным и легонько улыбнулся двум молодым девушкам — присяжным номер 5 и 7, — которые кивали в такт всем его умозаключениям.

Обычно Джейсон мог рассчитывать на молодых девушек. У него не было выразительной челюсти, как у актеров кино, но при этом он был в хорошей форме и не раз слышал отзывы о своем взгляде:

спокойный, загадочный. Или как сегодня в зале суда, когда он надел свои зеленые контактные линзы: проницательный.

Джейсон прекрасно управлялся с женщинами на расстоянии примерно в десять футов, которые разделяли его и присяжных. Те, которых он подпускал ближе, доставляли ему множество проблем.

— Я попросил своего эксперта дать мне немного метиленхлорида, — пояснил он. — И я собираюсь сейчас вымыть свои волосы с использованием тех же методов и препаратов, которые использовал доктор Крамер при исследовании волос жертвы.

— Протестую! — Больше Остин Локхарт не мог этого выносить. Практически все адвокаты стараются не высказывать протестов во время заключительной речи, потому что в ней лишь подводятся итог доводам противной стороны. Но Локхарт сделал себе карьеру на том, что спорил по каждому незначительному поводу, пока лицо его не становилось красным от ярости. Как сейчас, например. — Это возмутительно, — заговорил он. — Не думаю, что у краски для волос и кокаина одинаковый химический состав. И вообще, откуда нам известно, что в бутылках метиленхлорид? Это всего лишь показуха, которая не имеет никакого отношения к делу.

Джейсон изобразил на лице удивление: неужели в таких ситуациях подают протест? Вместо того чтобы немедленно ответить, он посмотрел на судью так, словно это заявление вовсе не стоило того, чтобы ради него сотрясать воздух.

— Мистер Ноубл? — с вопросом в голосе обратилась к нему судья Уотерс.

— Во-первых, ваша честь, вчера у меня не было возможности достать кокаин или оксикодон, иначе я использовал бы их. Но будь я присяжным, мне было бы интересно узнать, сможет ли этот хваленый растворитель, который использовал доктор Крамер, вывести обычную краску для волос.

— Это... это просто... смешно, — не находил слов Локхарт. — Это абсолютно *не относится к делу* и способен ввести присяжных в заблуждение. Если бы он хотел провести эксперимент, то должен был проделать это со своим экспертом, чтобы я мог допросить доктора Чоу.

— Простите, ваша честь, — тут же парировал Джейсон. — Я, наверное, пропустил в университете занятие, на котором учили, что

представление на процессе совершенно недопустимо. — Услышав, как захихикали присяжные, Джейсон понял, что выбрал правильный ход. — Кроме того, — продолжил адвокат, — доктор Чоу-блондин смотрелся бы еще смешнее, чем я.

— Ну, по этому вопросу мнения могут разойтись. — Теперь судья сама пыталась не рассмеяться. — Протест принят.

Джейсон повернулся к присяжным и заметил, что улыбка с лица присяжной номер 5 никуда не делась. Он долго не сводил с нее глаз, чтобы показать, что чувствует поддержку.

— А теперь, когда мы увидели, сколь сильно верит защита в помывку волос, давайте поговорим об отношениях...

Роберт Шервуд, президент корпорации «Правосудие», наблюдал за драмой, которая разыгралась суде, по телевизору в роскошном номере гостиницы «Уэстин». Велась прямая трансляция. Он изучал лица, мелькавшие на разделенном экране: одна камера следила за Джейсоном, другая — за выражением лиц присяжных. Шервуд собирался поставить на исход дела 75 миллионов долларов, принадлежавших фирме.

Как и большинство очень популярных рок-звезд, Кендра Ван Вик поддерживала немалое количество компаний. Звукозаписывающая студия мужа, пошивочные ателье, собственное реалити-шоу на телевидении, — все эти предприятия приносили огромную прибыль и не стоили бы ни цента, если бы певицу приговорили к пожизненному заключению. С другой стороны, если она победит, их стоимость взлетит до небес. До сегодняшнего дня, до этого изобретательного фокуса во время заключительной речи, Шервуд думал, что Ван Вик станет крупнейшей оправданной знаменитостью со времен О. Дж. Симпсона*. Но теперь... он не был столь уверен.

* Орентал Джеймс Симпсон (род. 1947) — известный игрок в американский футбол и актер, сыгравший роль детектива Нортберга в знаменитой трилогии «Голый пистолет». Получил скандальную известность после того, как был обвинен в убийстве своей бывшей жены и ее друга и оправдан, невзирая на улики. — *Примеч. ред.*

— А этот парень, похоже, даже чересчур умен, — помотал головой Шервуд. — Теперь уже ничего не понятно. — Он потер рукой лоб, боль от мигрени давала о себе знать. Его компания потратила сотни тысяч долларов на то, чтобы внимательно изучить это дело, подобрать идеальных присяжных и исследовать все доказательства. И теперь, устроив столь драматичное представление во время заключительной речи, Джейсон пустил все это коту под хвост. — Нельзя позволить этому случиться еще раз, — пробормотал Шервуд. — Это дело должно стать для него последним.

5

Джейсон Ноубл смотрел репортаж о стрельбе в студии Дабл-ю-ди-экс-ар по телевизору в номере гостиницы «Малибу-бич» с видом на море, в Калифорнии.

Пока репортаж не привлек его внимание, он был полностью поглощен ожиданием звонка с вестью о том, что присяжные вынесли вердикт. Его совершенно не беспокоила окружавшая его роскошь: красивый белый песок пляжа Карбон, услужливый персонал гостиницы, готовый отреагировать на каждую просьбу, звезды Голливуда, частенько захаживавшие в бар. Он размышлял над отношением присяжных, вновь и вновь прокручивая в уме дело Ван Вик, и готовился к худшему. В зале суда адвокат демонстрировал спокойствие и абсолютную невозмутимость, в то время как за его стенами заботливо вникал в каждую мелочь.

Но за последние несколько минут он забыл даже о собственном деле.

Если верить «Фокс ньюс», полностью весь этот ужас транслировался по каналу Дабл-ю-ди-экс-ар в Вирджинии-Бич и Норфолке. Теперь, спустя два часа, он в третий или четвертый раз пересматривал повтор фрагмента перестрелки. Каждый раз, когда видео собирались показывать вновь, ведущая предупреждала, что зрителям со слабой психикой лучше не смотреть, а в нижней части экрана появлялось сообщение о насилии. Джейсона, наверное, следовало отнести к людям со слабой психикой, но он не мог заставить себя отвернуться и, не веря в происходящее, с ужасом смотрел, как Джеймисон стрелял в Рэйчел Кроуфорд, пока его тело, а потом и голову пронзали пули спецназовцев.

Джейсон переключал каналы, и на всех них непрерывно повторяли это видео (правда, некоторые каналы вырезали последние жуткие кадры) и анализировали произошедшее с разных точек зрения. На Си-эн-эн специалист по защите гражданских прав критиковал спецназ. Они должны были действовать быстрее. Слезоточивый газ нужно было пустить раньше. Обычные рассуждения дилетанта. На Эн-би-си судебный психиатр пытался разобраться в хитросплетениях мотивов Джеймисона. Си-би-эс сосредоточилась на оружии.

Женщина из Коалиции по защите от насилия с использованием оружия страстно заявляла о необходимости возобновления запрета на продажу штурмового оружия.

— У него нет законной цели использования. С ним нельзя охотиться. Оно не подходит для спортивной стрельбы. Его можно использовать лишь с одной целью: для убийства невинных людей. — Ее праведный гнев, казалось, можно было ощутить физически. — То, что мы видели сегодня, отлично показывает причину, ради которой это оружие продается.

Ведущая Си-би-эс Джессика Уолш — молодая, фотогеничная и выразительная девушка — кивнула:

— Если верить полиции, преступник использовал МД-9, штурмовой полуавтомат, произведенный в Джорджии компанией «МД файрармз». У нас на связи Мелисса Дэвидс, директор компании, из Атланты.

После этих слов половину экрана заняло лицо самодовольной женщины. По мнению Джейсона, ей было от сорока пяти до пятидесяти. Лицо у нее было длинным, с выразительными карими глазами, выдающимся подбородком и острыми скулами. Скинь она пару фунтов, ее можно было бы счесть больной анорексией.

— Добрый вечер, миз Дэвидс, — поприветствовала ее Уолш.

— Добрый вечер.

— Как вы можете прокомментировать заявление о том, что МД-9 используется в основном преступниками и не имеет законной цели применения? Не вдаваясь в дебаты о том, убивает ли людей само оружие или другие люди, расскажите, почему вы его производите?

— Потому что люди его покупают.

Уолш ждала более подробного разъяснения, но Дэвидс просто смотрела в камеру. Не моргая. Без капли сожаления в глазах.

— Понимаете, в чем дело, — нахмурилась Уолш, — преступники покупают это оружие в огромных количествах, зачастую незаконно или через подставных лиц. Зачем подобное оружие может понадобиться человеку, который собирается всего лишь защищаться или охотиться?

— А зачем производители машин выпускают автомобили, способные ехать быстрее разрешенной скорости? — резко и бескомпромиссно парировала Дэвидс. — Вы задаете не те вопросы. Почему никто не спрашивает о законах, которые запрещают законопослушным гражданам иметь оружие на работе? Если бы хоть у кого-то в студии был пистолет, Рэйчел Кроуфорд и другие жертвы могли бы быть сегодня живы.

Губы Уолш скептически искривились.

— То есть вы не чувствуете своей ответственности за эти смерти?

— Нет, не чувствую. Первая трагедия в этом происшествии заключается в том, что единственным вооруженным человеком в студии оказался сумасшедший убийца. Вторая трагедия состоит в том, что каналы вроде вашего вновь и вновь крутят запись этой бойни, чтобы поднять рейтинг. — Дэвидс сузила глаза, в них читалось презрение к журналистам. — А чувствуете ли *вы* ответственность за *это*?

Джейсону показалось, что этот вопрос застал Джессику Уолш врасплох. Это *она* должна была задавать неудобные вопросы. На мгновение она отвела глаза от камеры, но затем смогла достойно ответить.

— Мы всегда предупреждаем зрителей о насилии на экране, — сказала Уолш. — Но все же мы чувствуем себя обязанными освещать любую важную новость, даже если она оказывается тяжелой.

— Вы даете зрителям возможность выбирать, мы своим покупателям — тоже, — парировала Дэвидс. — Мы живем в свободной стране.

В ответ Уолш издала саркастичный смешок, выражавший недоверие, — этот звук раздался прежде, чем она смогла взять себя в руки.

— Мелисса Дэвидс, — еще раз представила собеседницу Уолш, — директор компании «МД файрармз». Спасибо, что присоединились к нам.

— Не за что. И еще, Джессика...

— Слушаю.

— Позвольте мне выразить соболезнования близким погибших.

Его папа гордился бы таким выступлением, подумал Джейсон. Отец адвоката, детектив из Атланты, за свою карьеру повидал множество бессмысленных убийств. И все же он, наверное, первым встал бы на защиту производителей оружия вроде «МД файр-армз» и таких поборников права на ношение оружия, как Мелисса Дэвидс.

Джейсон еще несколько раз переключил каналы, на которых юристы спорили, кого можно обвинить в этой трагедии. Жертвы не могли подать в суд на своего работодателя, канал Дабл-ю-ди-экс-ар, потому что такой иск был запрещен по закону «О компенсации за производственные травмы». Выиграть в суде против спецназа было практически невозможно, потому что он обладал иммунитетом от гражданской ответственности при исполнении своих обязанностей. Все сошлись во мнении о том, что убийца не успел скотлотить состояния. Это была величайшая трагедия юриспруденции: погибли люди, а предъявить иск некому.

Телефонный звонок вернул Джейсона к более насущным проблемам.

— Вы нужны нам через пятнадцать минут, — сообщил звонивший. — Все три жюри вынесли вердикт.

Джейсон глянул на часы; присяжные хорошо распорядились отведенным им временем.

— Присяжная номер пять кажется счастливой? — спросил Джейсон. Он был уверен: она на его стороне.

— Не знаю, — ответил звонивший. — По мне, так они все какие-то сумасшедшие.

Джейсон еще раз воспользовался дезодорантом, надел чистую белую футболку и ту же белую рубашку, что была на нем с утра. Застегнув ворот, он туго затянул галстук. Затем пригладил волосы с помощью геля и впрыгнул в мокасины. Молодой человек чувствовал, как бурлит у него в животе, а нервы натягиваются все сильнее с каждой минутой ожидания вердикта. Сегодня он почти не ел. Только тарелка супа да пара крекеров на завтрак и шоколадный батончик с густым молочным коктейлем после суда. Если дело было напряженным, он обычно терял по два-три фунта в неделю, что не очень-то мог себе позволить.

Джейсон подбодрил себя и сосредоточился на том, чтобы войти в роль. Через несколько минут он войдет в зал суда и выслушает вердикты, которые огласит судебный пристав. В случае поражения Джейсон посмотрит на присяжных так, словно они сошли с ума, а затем подойдет к Остину Локхарту и пожмет ему руку. В случае победы он пожмет плечами так, словно ничего другого и не ожидал. Еще через двадцать минут после оглашения вердиктов по его лицу нельзя будет сказать, что решили присяжные.

Он будет держаться. Первоклассный актер. Адвокат с наплевательским отношением ко всему на свете.

Почистив зубы, он еще раз осмотрел себя в полный рост в зеркале ванной. Его яркая улыбка подчеркнула блеск его глубоких зеленых глаз. Он ничего не мог сделать со своей переносицей, слегка искривленной в результате травмы, которую он получил во время игры в футбол, но женщин-присяжных это, похоже, не отпугивало.

— Мы бы хотели опросить присяжных, — серьезно проговорил Джейсон, предвидя худший вариант развития событий. — И мы ходатайствуем о проведении нового процесса в связи с дискриминационным подходом защиты к отбору присяжных и поданным нами ранее ходатайством Доберта*.

Он сузил глаза, представляя, как будет смотреть на присяжных, которые предали его. Сталь таким взглядом, конечно, было не расплавить, особенно с учетом осветленных волос, из-за которых пропадала вся его серьезность, но он наверняка даст им понять, что они только что отпустили на свободу нераскаившуюся убийцу. Сразу же после этого взгляда у присяжных появится шанс исправиться, когда судья станет опрашивать каждого лично, согласен ли он с вердиктом.

Ладно, к худшему варианту Джейсон был готов. Он достойно примет удар, поздравит своего противника и несколько дней потратит на анализ того, что пошло не так. А потом возьмется за очередное дело. Так поступают все юристы. А еще он знал, что будет

* Ходатайство Доберта — подаваемое до начала или в ходе процесса ходатайство об исключении ненадлежащего доказательства или присяжного. Появление данного ходатайства связано с делом «Доберт против “Меррел Доу Фармасьютикалс”», определившим стандарты допущения экспертных доказательств в федеральных судах. — *Примеч. пер.*

помнить о поражении месяцы. Может, годы. Это одержимость? Наверняка.

Он пожал плечами. *«Будь что будет»*. За этим фасадом спокойствия, оscarоносным ежедневным представлением, предназначенным для того, чтобы обмануть других, скрывался Джейсон-воин. Он жил для того, чтобы бороться.

Поняв, что сможет пережить самое худшее, Джейсон отбросил в сторону любую мысль о поражении. Сегодня он будет играть роль великого победителя, поэтому адвокат позволил себе немного дать волю воображению. Он едва отреагирует на вердикт, как будто это всего лишь формальность и ему с самого начала был известен результат.

Ван Вик приговорят к пожизненному заключению. А Джейсон начнет готовиться к новому делу.

6

Джейсон остановился на парковке для учащихся колледжа «Пеппердайн». Поставив машину, он быстро добрался до расположенного на втором этаже зала судебных заседаний, перед дверью которого стоял охранник со скрещенными руками. Из его правого уха торчал наушник переговорного устройства.

Джейсон кивнул охраннику и вошел в зал суда, где его сразу же обступили секретари и звукооператоры. Ему нравилось, что дело Ван Вик рассматривали здесь. Зал заседаний в колледже недавно отремонтировали, поэтому все здесь соответствовало последнему слову техники. Три камеры были прикреплены к стенам и две к потолку. Они управлялись дистанционно из звуконепроходимой кабинки. Благодаря своей неприметности камеры отвлекали от ведения дела гораздо меньше, чем в других залах, в которых Джейсону казалось, будто он одновременно выступает в суде и снимается в фильме.

Джейсон закрепил батарейку на поясе, пропустил миниатюрный микрофон между пуговицами рубашки и повесил его на галстук. Проверив сигнал, он налил себе стакан воды и устроился за адвокатским столом, закинув левую ногу на правую. Вся его поза говорила о невозмутимости. «Кто волнуется? Я?» Остин Локхарт нарезал небольшие круги вокруг своего стола, перебрасываясь короткими фразами со своим клиентом.

Через пару минут вошел пристав и призвал присутствующих к порядку. За ним по пятам вошла судья Уотерс, заняла свое место и попросила пристава пригласить присяжных. Женщина глянула на обоих адвокатов. Джейсон слегка улыбнулся ей, но она предпочла этого не заметить.

Джейсон положил руки на стол. Его влажные кулаки оставили пятна на отполированном стекле, так что он предпочел убраться, положив правую руку на подлокотник кресла, а левой подперев подбородок. За последние два года адвокат не проиграл ни одного дела, но он все равно невероятно нервничал, пока присяжные занимали свои места. Головы их были склонены, а лица нахмурены.

Присяжная номер 5 определенно не улыбалась. Равно как и присяжная номер 7, мать-одиночка, которая закупалась в «Костко»*, читала романы Джанет Иванович** и книги Энн Коултер***.

Как бы Джейсон ни храбрился, сейчас он чувствовал себя не очень хорошо.

Он взял стакан и отхлебнул немного воды.

— Вы вынесли вердикт? — спросила судья Уотерс.

— Да, — ответила с заднего ряда председатель, присяжная номер 4, со вкусом одетая женщина средних лет. Она занималась связями с общественностью в одной из голливудских студий. Пила диетическую колу. Выписывала «Интертейнмент уикли». Голосовала за демократов. Жертвовала зеленым и организации «Люди за этическое отношение к животным». Определенно, Джейсон не был счастлив видеть ее председателем.

Она протянула приставу конверт с вердиктом, а тот передал его судье.

Судья Уотерс некоторое время изучала вердикт, определенно наслаждаясь возможностью помучить адвокатов. *«Интересно, сколько нужно времени, чтобы прочитать слово “виновна”»?*

Затем женщина вернула конверт приставу и кивнула. Тот вышел на середину зала, и судья Уотерс попросила обвиняемую и ее

* «Костко» (Costco Wholesale Corporation) — крупнейшая в мире сеть складов самообслуживания клубного типа, специализируется на продаже товаров ограниченного числа производителей по минимальным ценам. — *Примеч. ред.*

** Джанет Иванович (род. 1943) — популярная американская писательница, автор приключенческих и любовных романов. — *Примеч. ред.*

*** Энн Коултер (род. 1961) — известный американский адвокат, консервативный публицист и политический комментатор. Автор восьми книг, каждая из которых фигурировала в списке бестселлеров The New York Times. — *Примеч. ред.*

адвоката встать. Пристав держал лист бумаги так, словно собирался читать древний свиток с Писаниями в центре Иерусалимского храма. Он немного помолчал, чтобы накалить ситуацию.

— Мы, присяжные, находим обвиняемую в убийстве при отягчающих обстоятельствах... — Пристав сделал паузу. Время, казалось, застыло. Джейсона затошнило. — ...Виновной, — поднял пристав глаза на обвиняемую и Остина Локхарта. Джейсон почти никак не отреагировал, лишь легонько кивнул двум своим любимым присяжным. Обе они ответили скромными улыбками, явно гордые той ролью, которую сыграли в процессе обсуждения.

Остин потребовал опросить каждого из присяжных, а Джейсон откинулся в кресле и наблюдал за тем, как заседатели один за другим выражали свое согласие с вердиктом. После ряда ходатайств о признании разбирательства недействительным, в каждом из которых судьей Уотерс было отказано, жюри присяжных было распущено, и пристав вывел их.

С одним жюри покончено, осталось еще два.

Первое жюри присяжных, непосредственно наблюдавшее за делом, было самым важным. Но было еще два, каждое из которых следило за ходом заседания из других залов для учебных заседаний при помощи камер. Все три теневых жюри состояли из жителей Лос-Анджелеса и должны были как можно больше походить на настоящих присяжных, выбранных для непосредственного разбирательства дела в суде Лос-Анджелеса.

Корпорация «Правосудие», в которой работал Джейсон, была сложной структурой, которая занималась исследованием и консультированием по вопросам подбора присяжных. Как только в каком-либо громком деле выбирали жюри присяжных, компания подготавливала три теневых жюри. За несколько напряженных дней «Правосудие» проводило инсценированный тайный судебный процесс и добивалось вердикта задолго до окончания настоящего процесса. Затем предположительный исход настоящего дела сообщался ряду избранных инвесторов, которые могли заработать миллионы на купле-продаже акций и опционов участвующих в деле компаний.

Теневые присяжные зарабатывали круглую сумму и обязаны были хранить все в тайне. Кроме того, они знали вердикт лишь своего жюри, так что если и нарушали соглашение о неразглашении, все же не могли представить полной картины.

Первое теневое жюри, которому была дана привилегия видеть Джейсона и второго адвоката живьем, наиболее близко отражало умонастроения настоящего жюри. Но президент корпорации «Правосудие» Роберт Шервуд не любил рисковать миллионами, если только все три жюри не достигали единого результата. И даже после этого комментарии отдельных присяжных добавлялись в сложную программу изучения их поведения, чтобы в дальнейшем можно было прогнозировать и предвидеть неожиданные результаты. Высокооплачиваемые аналитики компании также изучали процесс совещания, чтобы убедиться в том, что итоговый вердикт не был вынесен случайно, быть может, из-за харизматичной личности одного из присяжных или из-за какого-то неожиданного поворота в ходе инсценированного процесса, который мог бы и не произойти при реальном разбирательстве.

Джейсон расположился во втором зале и наблюдал за присяжными, которые устраивались на скамье после того, как судья Уотерс их пригласила. Впервые за три дня присяжные наблюдали перед собой живых участников процесса, а не их изображение на большом экране, по которому они следили за ходом заседания. Джейсон раньше не видел этих заседателей, и ему всегда было интересно сравнить членов дополнительного жюри с первыми. Конечно, присяжные подбирались так, чтобы их биографии походили на биографии настоящих присяжных, но внешне каждое теневое жюри сильно отличалось от другого. Например, здесь присяжная номер 5, главная союзница Джейсона, была более худой, а на лице у нее блуждала скептическая ухмылка, которой никогда не наблюдалось у присяжной из главной коллегии.

Но внешность была далеко не самым главным критерием. Как говорил Роберт Шервуд, «человек смотрит на лицо, а корпорация “Правосудие” — на сердце». В этом был весь Шервуд: в чем-то саркастичен, в чем-то надменен, но абсолютно во всем точен. Его стоило если и не превозносить, то уж по крайней мере бояться и уважать.

Выбор теневых присяжных зависел от того, насколько близко их досье соответствовало информации о настоящих присяжных.

Политические симпатии, принимаемые лекарства, посещаемые магазины, читаемые журналы, религиозные предпочтения, любимые интернет-сайты и телевизионные программы, спортивные команды, возраст детей, даже марка автомобиля каждого присяжного — огромная исследовательская команда корпорации «Правосудие» тщательно изучала все эти и сотни других факторов. Сложные компьютерные программы взвешивали каждый фактор с учетом обстоятельств дела, а затем прорабатывали список возможных присяжных с использованием алгоритма, учитывающего эти факторы, на предмет поиска виртуальных двойников настоящих присяжных.

И эта система работала. За те полтора года, что Джейсон трудился в компании, система дала сбой лишь однажды, и то в тот раз мнения разделились: два теневого жюри заняли одну сторону, а третье — другую.

Сегодня второе жюри согласилось с первым и тоже признало Ван Вик виновной. Джейсон кивнул присяжным и откинулся в кресле, наблюдая за тем, как Остин опрашивает их, бросая сердитые взгляды на своего противника. Второй раз присяжные подтвердили свой вердикт, после чего адвокаты, судья и персонал суда переместились в третий зал.

Теперь Джейсон почти не волновался. Он уже выиграл суд, единственный вопрос — будет ли его победа безоговорочной.

Быть может, дело было в его заключительной речи. Быть может, в том, с каким рвением он разбивал доводы главного эксперта защиты. Или, возможно, тот факт, что Ван Вик не стала выступать в свою защиту. Что-то поколебало этих присяжных. Позже Джейсон изучит записи и поймет, в чем причина.

— Вынесли ли присяжные вердикт? — спросила судья Уотерс.

— Да, — ответила председатель. Это была присяжная номер 7, мать-одиночка, поэтому Джейсон был уверен, что все три вердикта окажутся в его пользу. Женщина протянула приставу конверт и бросила взгляд на обвиняемую. Обычно зрительный контакт пугал Джейсона. Но это же была присяжная номер 7, ее досье говорило о том, что она — ярая поборница закона и порядка, которой наверняка должна была понравиться позиция Джейсона. Кроме того, женщины обычно любили его и ненавидели заносчивых обвиняемых. А под чары рок-звезд чаще всего попадали мужчины.

Может, присяжная номер 7 хотела увидеть проблеск надежды в глазах обвиняемой перед тем, как вердикт потрясет ее.

Судья Уотерс изучила вердикт и протянула его приставу, попросив женщину, игравшую роль Кендры Ван Вик, встать рядом с Остином Локхартом.

Пристав вновь занял место в центре зала.

— По обвинению в убийстве при отягчающих обстоятельствах мы, присяжные, находим обвиняемую... — как обычно, он сделал паузу, — ...невиновной.

— Да, — прошипел Остин Локхарт не очень громко, но чтобы Джейсон услышал.

Джейсон недоверчиво смотрел на пристава, словно тот ошибся, оглашая вердикт. Затем он напомнил себе: *«Играй роль до конца»*. Адвокат-стойк. Непокосимый. Для которого все это всего лишь рутина.

— Хотите ли вы опросить присяжных? — спросила судья Уотерс.

Джейсон разглядывал их. Все они выглядели устало. Большинство старалось не смотреть ему в глаза. Похоже, они были уверены в своем решении.

— Да ну, — махнул Джейсон рукой, как будто судья только что предложила устроить перерыв на обед. — Думаю, они знают, что сделали.

7

Спустя два часа Джейсон постучал в дверь комнаты 301, большого углового номера гостиницы «Малибу-бич», который занимал Эндрю Лесситер, мозг корпорации «Правосудие».

Как обычно, Джейсон принес с собой большую пиццу с мясом и сыром, порцию острых куриных крылышек, сыр с голубой плесенью, шесть банок пива и бутылку диетической колы. Пиво, крылышки и мясная половина пиццы предназначались Лесситеру, высокому тощему человеку, уровень метаболизма у которого просто зашкаливал. Джейсон никогда не видел, как Лесситер занимается спортом, но его мозг, похоже, сжигал больше калорий, чем мышцы других людей.

Сегодня на Лесситере были вельветовые коричневые штаны и обтягивающая футболка. Из маленькой дырки на правом носке выглядывал большой палец. Его нечесанные русые волосы закрывали лоб. Упасть на глаза им мешали очки в черной оправе. Лишь легкая седина на висках говорила о том, что он окончил Массачусетский технологический институт почти двадцать лет назад и успел сменить за это время две обанкротившиеся компании. В девятнадцать.

Он взял у Джейсона пиццу и запер за ним дверь, пока тот выгружал остальные продукты на круглый стол в центре комнаты.

— Доказательство штата номер 12? — спросил Джейсон. Он постоянно играл в эту игру с Лесситером, который обладал фотографической памятью и не переставал его удивлять.

Эндрю с минуту разглядывал Джейсона, словно читал текст на невидимом телесуфлере. Затем он пару раз моргнул, эта нервная привычка преследовала его постоянно.

— Результаты анализов, — ответил он. — Токсикологическое исследование волос. Точные результаты нужны?

— Я тебе доверяю. Религиозная принадлежность присяжного номер 6?

Лесситер снова моргнул, выложил пару крылышек на пластиковую тарелку и открыл контейнер с сыром. Сведения о присяжных были его коньком.

— В прошлом активный католик, ныне дважды в год посещающий мессу. Женат на бывшей баптистке.

— Как-нибудь расскажешь мне, как это у тебя получается? — помотал головой Джейсон.

Лесситер открыл первую банку пива и запустил видеофайл на своем компьютере:

— Давай перейдем сразу к третьему жюри.

— Давай, — согласился Джейсон. После каждого дела мужчины собирались вместе, чтобы изучить процесс совещания главного жюри и попытаться хоть немного понять, что склонило чашу весов в ту или иную сторону. Сегодня, похоже, Лесситера и Джейсона посетила одна и та же идея: лучше изучить тех присяжных, у которых Джейсон проиграл, и понять, что пошло не так.

Джейсон немного передвинул стул, чтобы было лучше видно. Лесситер принялся за крылышки.

— Похоже, все дело в присяжной номер 7, — проговорил между укусами Лесситер.

— В седьмой? — переспросил Джейсон. Он подошел к дивану, где плотными стопками лежали расписки, материалы по делу и сложенные рубашки. Адвокат сдвинул одну из таких стопок и нашел черную папку с листами на спирали, в которой лежало подробное досье на каждого присяжного. Все эти данные также хранились где-то в глубинах мозга Лесситера. — Почему номер 7?

Лесситер прикончил крылышко и откинулся в кресле. На экране как раз начиналось совещание присяжных.

— У ее мужа был роман на стороне, — пояснил он. — И он закончился более тяжелым разводом, чем у других седьмых. Быть может, ей не понравился твой маленький реверанс в сторону Уильяма Конгрива — «фурия в аду ничто в сравнении с брошенной женщиной» — или тот факт, что покинутая женщина всегда становится главной подозреваемой.

Джейсон молча проглотил эту информацию. Он стоял за Лесситером и одним глазом глядел на экран монитора, а другим — в досье присяжной номер 7 из черной папки.

На экране присяжные как раз занимались выбором председателя. Присяжный номер 4, менеджер среднего звена из компании по производству программного обеспечения, первым предложил свою кандидатуру. Но присяжная номер 7 вставила, что раз уж обвиняемая была женщиной, возможно, стоило выбрать председателя-женщину.

Джейсон не успел моргнуть, как кто-то предложил седьмой занять это место. Она поспорила для вида, но все же в итоге выбрали именно ее.

Джейсон устроился рядом с Лесситером. Он отрезал и положил себе на тарелку кусок пиццы, хотя аппетит у него уже начал пропадать.

— Они сталкивались заранее, — поведал Лесситер. — Я видел, как они о чем-то перешептывались. Присяжный номер 10 договорился выдвинуть на должность председателя седьмую. Их поддерживали еще двое или трое.

— Прямо «Последний герой» какой-то, — пробормотал Джейсон. Порой ему было очень тяжело наблюдать за тем, как совещаются присяжные.

— Дело в том, — отозвался Лесситер, — что присяжная номер 7 с самого начала была резко настроена против тебя, поэтому она сразу решила взять ход совещания в свои руки.

Джейсон принялся за пиццу с содовой и изучение черной папки. Формально у него не должно было быть доступа к записи совещания. Но, проведя пару месяцев в корпорации «Правосудие», он подружился с Эндрю Лесситером, человеком, на котором лежала полная ответственность за прогнозирование результатов настоящего дела на основании вердиктов теневого жюри.

Каждый раз, когда корпорация «Правосудие» бралась за очень громкое дело, Лесситер тщательно изучал совещание каждого жюри. Порой он не спал почти всю ночь после вынесения вердикта, вновь и вновь анализируя его. Именно он был гениальным автором всей системы: создателем программы, которая лежала в основе деятельности компании. Его мозг был уникальным сочетанием научного гения и психологической проницательности.

Примерно год назад Джейсон попросил Лесситера поприсутствовать при анализе совещания одного из жюри. Адвокат утверждал, что это поможет ему в дальнейшем лучше выступать в суде, а Лесситеру будет не скучно. В конце концов Лесситер согласился, хотя и потребовал от Джейсона хранить это в тайне. Мужчины сразу поладили: Лесситер принял на себя роль опытного профессора, а Джейсон — учащегося адвоката. Вместе их свело неутолимое желание внимательно изучить ход совещания присяжных.

После нескольких рассмотренных дел процесс исследования превратился в особый ритуал вроде частной вечеринки для избранных. Они обсуждали вещи, которые Джейсону удавались, и то, что можно было сделать по-другому. Они говорили об особенностях поведения каждого присяжного, о каких-то факторах, которые могли повлиять на результат. После ночи, проведенной за просмотром видео, Лесситер встречался с другими членами команды аналитиков, а затем звонил Роберту Шервуду и сообщал ему предположительный итоговый вердикт.

— Почему ты не сообщил *нам* о бывшем муже присяжной номер 7? — спросил Джейсон.

— Ты же знаешь правила. Ты знаешь ровно столько, сколько знают другие адвокаты.

— А они могли узнать про его роман?

— Вряд ли. Седьмая присяжная и ее муж договорились о разделе имущества без суда. Сказали, что у них возникли непримиримые противоречия. Никто не любит говорить о настоящих причинах.

— Я бы тогда вел дело совсем по-другому.

— Надеюсь, что так. — Лесситер открыл вторую банку пива, пару раз моргнул, глядя на экран, и сделал затяжной глоток. К этому моменту его левая нога начала нервно подергиваться: углеводы сгорали, едва попав в организм.

— А как *ты* узнал о подробностях развода? — спросил Джейсон. Он знал, что на «Правосудие» работала целая толпа сыщиков, буквально рывших носом землю при составлении досье на людей, которые могли быть избраны в присяжные. Сыщики даже рылись в их мусоре: формально это не было преступлением, потому что мусор являлся оставленным имуществом. Часто они получали доступ к компьютерам присяжных при помощи какого-то гениального хакера, который отчитывался непосредственно перед Эндрю

Лесситером. Некоторые присяжные соглашались на телефонный опрос, проводимый корпорацией «Правосудие» под видом телефонной компании, обещавшей бесплатное авиапутешествие за одно только участие. Ходили слухи об использовании и менее законных методов, хотя их никогда не обсуждали в присутствии Джейсона.

— Мы много знаем. — Лесситер взял еще одно крылышко.

— Вы что, следите за присяжными?

Лесситер посмотрел на Джейсона поверх очков, как бы намекая, что такой разговор начинает его раздражать. Они это уже проходили: есть такие вещи, которые Джейсон никогда не узнает.

— Ладно, — отступил Джейсон. — Я просто хочу сказать, что сложно поверить, будто адвокаты, которые будут вести дело, и их высокооплачиваемые консультанты не прознают про интрижку мужа присяжной номер 7.

— Я тебя умоляю, — отмахнулся Лесситер. — Ты можешь пригласить хироманта и вообще отказаться от услуг консультанта по присяжным. Адвокаты не нанимают настоящих сыщиков. Они лишь играют предположениями, основываясь на общедоступной информации. Их работа — это игра в рулетку. Наша — наука.

Следующие полтора часа Джейсон и Лесситер просматривали запись, периодически сверяясь с досье присяжных. Лесситер, как обычно, делал важные комментарии, привязывая отдельные реплики присяжных к информации из их досье. Он остановился после третьей банки пива и половины тарелки с куриными крылышками. Нога его продолжала дергаться, глаза моргали, а он не прекращал работать над таблицей на протяжении всего времени совещания присяжных. Его экран был разделен на две части: на одной продолжали совещаться присяжные, а на второй он составлял таблицу с предположительным вердиктом.

Наконец Джейсон расчистил стол и убрал остатки еды в холодильник Лесситера. Его друг продолжал торчать за компьютером, обрабатывая данные даже во время разговоров с Джейсоном и прослушивания споров присяжных.

После двух часов переговоров присяжная номер 7 решила, что пора проголосовать еще раз. Это было уже четвертое или пятое голосование — Джейсон потерял им счет, — и всякий раз число присяжных, выступавших за оправдание, увеличивалось на одного-двух.

«Восемь против четырех в пользу оправдания» — объявила номер 7, осмотрев поднятые руки. Послышалось недовольное ворчание со стороны тех, кто с самого начала голосовал за оправдательный вердикт. Они наверняка надеялись, что их сторонников будет еще больше.

В течение последнего часа Джейсон беспомощно наблюдал на видео, как присяжная номер 7 и ее товарищи не оставили от его труда камня на камне, переманивая остальных на свою сторону. У него были ответы на ее вопросы, но не было возможности озвучить их.

За два года работы в корпорации «Правосудие» он не проиграл ни одного дела. Ни одно теневое жюри не проголосовало против него. Но сейчас это происходило прямо у него на глазах, и он не мог найти ни единой возможности помешать.

— Обвинение проиграет, да? — спросил Джейсон, имея в виду настоящее дело.

— С чего это ты так решил? — Впервые за два часа Лесситер встал и потянулся. — Два жюри проголосовали в твою пользу.

— Но Остин Локхарт не очень-то хорош в суде. А присяжная номер 7 считает, что является орудием Божьего возмездия. Никому не стоит обвинять брошенную жену в убийстве... по крайней мере, у нее на глазах.

— Она немного вышла из-под контроля, — признал Лесситер. Он моргнул и прокашлялся. — Но два других жюри остались за тобой, так что это уж точно не показатель. Лично меня больше заботит фактор Джейсона Ноубла.

Джейсон понимал, что это был комплимент: признание его отличных адвокатских навыков и того, что они могли повлиять на исход дела. Но сам он не был о себе столь высокого мнения. Конечно, лучше Локхарта, но не настолько, чтобы сильно повлиять на результат.

— Пока ты не появился, я мельком проглядел записи других совещаний, — поведал Лесситер. — Остальные присяжные почти с самого начала говорили о виновности. Конечно, Локхарта ты переиграл, но этого мало. Девять из десяти за то, что Ван Вик отправится в тюрьму.

— Ну не знаю, — проговорил Джейсон. — Плохое у меня предчувствие.

— В том-то и дело. Ты опираешься на чувства. Я — на факты.

8

Почти два часа Роберт Шервуд и его гости жарили стейки и пили вино на борту его яхты «Веритас», помня о том, что не стоит начинать разговор о деле, пока они не окажутся за пределами юрисдикции Соединенных Штатов. Ничего незаконного они не делали, постоянно напоминал гостям Шервуд, но никогда не знаешь, как какой-нибудь особо продвинутый прокурор решит истолковать закон с целью устроить преследование, если посчитает, что нельзя зарабатывать столько денег без преград со стороны правительства.

Каждый из гостей Шервуда был представителем крупного хедж-фонда*. Все они входили в закрытый клуб гениев с Уолл-стрит, счастливики, которые играли на понижение еще до начала кризиса. И все же лидером беседы все равно оставался Шервуд. Он болтал, наверное, обо всем: политике, бейсболе, недвижимости на Манхэттене, гольфе и яхтах — обо всем, о чем говорят великие люди. Кроме дел — это могло подождать.

Шервуд был на пятнадцать лет старше самого взрослого из гостей и тяжелей каждого из них минимум на двадцать фунтов. Мужчина выглядел моложе своих лет, поэтому люди обычно удивлялись, когда узнавали, что ему скоро стукнет шестьдесят. Он красил волосы, отбеливал зубы и каждый день занимался спортом. В нем было шесть футов два дюйма роста и 210 фунтов веса; ровно столь-

* Хедж-фонд — инвестиционный фонд с высокой степенью риска. — *Примеч. пер.*

ко же он весил в юридическом университете почти тридцать пять лет назад. Голос у Шервуда был громким и уверенным. Обычно в течение получаса после знакомства он успевал упомянуть о своем черном поясе в карате.

Роберт Шервуд прекрасно знал, что двое из его гостей никогда не станут спорить с ним, никогда не посмеют пойти против его рекомендаций. Но среди них был и Феликс Макдермонт. Из всех гостей Макдермонт был самым невзрачным: худой, учтивый очкарик с женственными чертами лица и торчащими скулами, благодаря которым он был похож на узника концлагеря, и слишком большими для его рта зубами. Он постоянно заваливал Шервуда невинными только на первый взгляд вопросами, но тот продолжал приглашать его, потому что из всех клиентов Шервуда Макдермонт делал самые большие взносы. И как только Макдермонт принимал свое решение, в течение суток его примеру следовали десятки других фондов.

Кроме того, уважение к Макдермонту вызывала еще одна его особенность. Каждый раз, когда он зарабатывал для своего фонда около сотни миллионов долларов, он делал щедрое благотворительное пожертвование в пользу очередной кампании, которую поддерживал Шервуд. Сейчас это была борьба с эпидемией СПИДа в Кении. Шервуд мог многое простить столь щедрому человеку, как Макдермонт.

В 14:30 Шервуд пригласил своих гостей в богато украшенную главную каюту, открыл свой ноутбук и щелкнул переключателем, после чего из стенного шкафа выдвинулся большой экран. Члены фондов налили себе крепкие напитки из бара — они чувствовали себя здесь как дома — и устроились на мягкой кожаной мебели. Все, кроме Макдермонта, который молча пил воду, усевшись на барном стуле и поставив перед собой на стойке свой ноутбук.

Шервуд включил в каюте свет и опустил жалюзи. Затем он закурил сигару — не какую-то дорогую и импортную, а сделанную в Городе братской любви*, «Филлис». Такие же сигары курили обычные работяги. После всего этого он запустил на компьютере подготовленную Эндрю Лесситером презентацию. Во время разговора

* Город братской любви — перифразированное название г. Филадельфия, штат Пенсильвания. — *Примеч. пер.*

Шервуд ходил туда-сюда по каюте, пуская дым, временами останавливаясь, чтобы сделать длинную затяжку, и размахивая концом зажженной сигары, чтобы подчеркнуть свои доводы.

Шервуд устраивал подобную встречу уже в сорок второй раз. Тридцать четыре раза он называл победителя. Еще пять дел были улажены до вынесения решения суда. Ошибался он лишь дважды, причем первый раз случился на заре существования корпорации «Правосудие» и чуть не привел ее к банкротству.

На сегодняшний день на счету Шервуда было девятнадцать побед подряд. После каждой из них его клиенты все больше поднимали ставки. Шервуд никогда не знал, сколько точно денег ставили хедж-фонды, но в случае столь громкого процесса, как дело Ван Вик, разрешение которого повлияет на множество различных компаний, предприимчивый бизнесмен мог спокойно поставить на кон сто миллионов долларов. Если присяжные вынесут «правильный» вердикт, инвесторы Шервуда смогут удвоить эту сумму.

Около получаса Шервуд пересказывал скучающим гостям информацию, которую они и так знали: обвинения против Ван Вик, сильные и слабые стороны адвокатов, общие сведения о присяжных. Настоящий процесс начался четыре дня назад, и, по мнению адвокатов, на него уйдет недели три. Мнения в обществе по поводу того, кто победит, разделились: отличный фон для применения исследовательских навыков сотрудников «Правосудия».

Управляющие фондов внимательно слушали. Феликс Макдермонт печатал на ноутбуке с той же скоростью, что говорил Шервуд, записывая все детали, наверное, чтобы позднее к ним прицепиться. Остальным гостям детали были не нужны: они ждали выводов.

Прежде чем переключиться на очередную страницу презентации, Шервуд выудил из стеклянной миски с орехами пару кешью и отправил их в рот. На следующей странице содержалась информация о присяжной номер 7 и подробные сведения об интрижке ее мужа.

— Насколько надежны твои источники? — не поднимая глаз спросил Макдермонт.

— Как и в любом другом деле, мы работаем с компанией Рафаэля Йохансена.

Макдермонт сделал отметку в своих записях. Информации, полученной от Йохансена, можно было доверять.